

## ПРОБЛЕМА ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ В СОВРЕМЕННОМ ИЗРАИЛЬСКОМ ОБЩЕСТВЕ

*Работа представлена кафедрой философии и социально-политических теорий  
Липецкого государственного педагогического университета.*

*Научный руководитель – доктор философских наук, профессор В. А. Попков*

В статье рассматривается проблема этнокультурных взаимодействий в современном израильском обществе. Автор статьи считает, что оптимальной моделью таких взаимодействий является мультикультурализм, сочетающий в себе как общее, свойственное различным культурам, так и особенное, специфичное для той или иной культуры. В статье дается разностороннее теоретическое обоснование этой идеи.

**Ключевые слова:** этнокультура, этнокультурные взаимодействия, модели (концепции) взаимодействия, мультикультурализм.

The article deals with the issue of interethnic cultural relations in the modern Israeli society. The author of the article considers that the most suitable pattern of the relations is multiculturalism, which is a complex of both general features, typical of many cultures and particular features, typical of this or that culture. The article presents well-grounded proofs for the idea.

**Key words:** ethnoculture, ethnocultural interactions, models (concepts) of interaction, multiculturalism.

Нынешний Израиль как государственно консолидированное образование (сообщество людей) формировался в конце 1940-х – начале 1950-х гг., хотя в данном случае точнее было бы говорить не о формировании как естественно протекающем процессе, а о планомерно заданном *строительстве* некоего нового социально-исторического феномена. Разумеется, такое планомерно заданное строительство, да еще в кратчайшие сроки, не могло быть успешным без опоры на силовые методы его осуществления, и это, на наш взгляд, наложило соответствующую печать на специфику и дальнейшую судьбу нового государственного образования.

В этой связи особо следует отметить два таких обстоятельства. Первое из них – это изгнание арабо-палестинцев с обжитых ими территорий в места, менее пригодные для благополучного существования. Акция эта осуществлялась, конечно, при помощи самой широкой опоры на военную силу. Результатом такого несправедливого захвата значительной части территории Палестины (а согласно резолюциям ООН на этой территории должны были возникнуть два го-

сударственных образования – еврейское и арабское) и была заложена долгосрочная мина вражды и неприязни веками бок о бок живших народов – палестинцев-евреев и палестинцев-арабов.

Второе обстоятельство заключается в том, кем и как заполнялось новое вакуумное государственное пространство. Довольно быстро и интенсивно оно стало заполняться репатриантами (переселенцами) еврейской национальности из многих регионов мира и прежде всего из близлежащих, сопредельных государств и территорий – из стран мусульманского Востока, северной Африки, а затем также Европы, Америки, СССР и др. В результате в относительно узких границах израильского государства скопилось большое количество людей, хотя в основном и одной расовой принадлежности, но различных образов жизни и культур, что как раз и породило проблему этнокультурных взаимодействий в формировавшемся тогда израильском обществе. Речь в данном случае идет не о конгломерате народов, а о конгломерате этнических групп и культурных модификаций, харак-

терных как для еврейской, так и арабской частей населения Израиля.

Отцы-основатели израильского государства, конечно, понимали, во-первых, необходимость, а во-вторых, сложность создания из такого многообразия культурных направленностей и их модификационных особенностей нечто общее и единое, что составляло бы специфику израильского государства, израильского общества в целом. Так, Й. Ландау писал, что большая часть населения Израиля «опутана национальными, культурными, языковыми... религиозными и национально-религиозными связями, которые тянут его к отождествлению себя с соплеменниками за пределами границ государства Израиль» [1, с. 20].

Чтобы решить проблему создания в израильском обществе единого, взаимосогласованного культурного пространства, выдвигались различные идеи и их теоретические обоснования, или модели. Однако и здесь, если судить по эволюции этих идей и моделей, ощутимо влияние ориентаций на «кратчайшие сроки» и силовые методы их реализации. Если брать временную, историческую последовательность этих идей и моделей, то она выглядит так: вначале преобладающей была идея и модель «плавильного котла», затем теоретический и практический вес стала приобретать противоположная ей модель «соответствия» или «простых контактов», и, наконец, в настоящее уже время все большую значимость и вес приобретает теория «мультикультурализма». Охарактеризуем эти модели кратко с чисто теоретических позиций, оставляя пока в стороне их различные идеологические и политические примеси.

В модели «плавильного котла» особенное и индивидуальное приносится в жертву общенациональному, а точнее, абстрактно национальному. Такая модель очень скоро обнаружила свою несостоятельность, хотя она больше соответствовала желаниям и стремлениям отцов-основателей израильского государства.

Культуру нельзя (невозможно) менять как одежду, как халат – с одного плеча на другое. Культура – социумная форма бытия человека, она вырабатывается, усваивается в процессе социумной жизни человека. Человек, как говорил известный русский мыслитель Ф. М. Достоевский, должен «выработаться», т. е. создаться в определенном варианте через определенный вариант культуры.

Это – с одной стороны. С другой – общее и единичное (индивидуальное) существуют в неразрывном единстве. Это две стороны одной целостности. И отсекают одно от другого – значит уничтожить целостность, лишают ее жизненных начал. То есть, говоря иначе, утопизм этой концепции очевиден. Но говоря о тождественности культуры и человека, мы должны указать и на многослойность феномена культуры как формы бытия человека: в ней есть глубинные и поверхностные пласты. Первый устойчив и тождествен (идентичен) человеку (например, юнговское «коллективное бессознательное» и др.), второй – мобилен, подвижен: человек постоянно усваивает что-то новое, в том числе и из других культур, или, напротив, с чем-то расстаётся, отбрасывает как потерявшее для него ценность и значимость.

Разочарование в очерченной выше модели (концепции) культурного взаимодействия породило прямо противоположную ей модель «соответствия» или «культурных контактов». Здесь незыблемым уже является отдельное, особенное, индивидуальное и недооценивается сходное, единое в различных культурах. Реализация этой идеи на практике сводилась в основном к организации формальных контактов между представителями различных культурных, социальных и политических ориентаций с целью, во-первых, выяснения сути разногласий, во-вторых выработки общих приемлемых для каждой стороны решений. Однако поскольку члены реально действующих контактных групп были жестко ограничены рамками своей культурной идентично-

сти, практический результат этих встреч и обсуждений был весьма ограниченным. А. Хайдер, специально изучавший деятельность контактных групп, приходит к следующему довольно неутешительному выводу: «На таких встречах в очень малой степени затрагивается исторический фон и политическая подоплека противоречий между группами... у таких встреч есть определенный кратковременный эффект, однако в долгосрочной перспективе он практически сходит на нет, так как продолжающаяся враждебность на политическом уровне нивелирует влияние межличностных контактов» [2, с. 32].

Неудачи первой и второй моделей этнокультурных взаимодействий в современном израильском обществе стимулировали поиски новых их вариантов. Так на свет появляется модель (концепция) мультикультурализма, сторонником и одним из разработчиков которой является и автор этих строк. Отличительной особенностью этой модели является ее нацеленность на деятельностные контакты представителей различных этнических групп и культур. Не просто внешние, механические встречи и обсуждения, а совместные жизнь и деятельность в различных социальных ячейках, организациях и коллективах.

Только через совместную деятельность на благо всего общества можно преодолеть отчуждение людей, их взаимонепонимание и даже вражду. Наш двадцатилетний и, можно сказать, довольно успешный опыт организации таких совместных деятельных комплексов наглядно убеждает в этом. Приведем в этой связи несколько примеров. Вот, скажем, амута (некоммерческое добровольное объединение) «Бейт-а-Гефен» в Хайфе. Она представляет собой арабо-еврейский молодежный культурный и спортивный центр, который организует не только те или иные встречи арабской и еврейской молодежи, но и их совместную деятельность по осуществлению нескольких спортивных, культурно-развлекательных, воспитательных и других программ, вклю-

чая организацию культурных контактов между представителями различных общин и религий.

Гиват Хавива – образовательный и исследовательский центр при одноименном кибуце. Он (этот центр) способствует продвижению образовательных инициатив, проводит исследовательскую и общественную работу, формирует общественную солидарность на базе принципов демократии, терпимости, ненасилия и взаимопонимания.

Неве Шалом – еврейско-арабский поселок, жители которого решили создать объединенную общину и жить в ней, поддерживая постоянный диалог, совместно искать другую реальность, реальность равноправия, которая позволит каждой стороне полностью реализовывать и выражать свою идентичность. В этом же поселке при амуте «Яд бе-яд» («Рука об руку») созданы три смешанные школы, где обучаются еврейские и арабские юноши и девушки. Нам представляется, что эти школы есть прообраз будущего, когда еврейские и арабские общины будут жить бок о бок в полном гражданском и национальном равноправии в своей стране.

Совместному образованию и воспитанию еврейских и арабских юношей и девушек в нашей концепции придается первостепенное значение. Чтобы практически более успешно решать эти вопросы, нами в 1997 г. был создан Центр еврейско-арабского образования в Израиле. Мы убеждены, что для того, чтобы изменить ситуацию к лучшему в плане этнокультурных взаимодействий в современном Израиле, молодежь должна обучаться и воспитываться в рамках двуязычных, двунациональных и многокультурных учебных заведений, в которых дети учились бы говорить и писать на иврите и на арабском. Но, конечно, для этого нужны два исходных условия: равные гражданские права и отсутствие гегемонистских и дискриминационных начал одних культур по отношению к другим в современном израильском обществе.

Жизненность и плодотворность нашей концепции подтверждают не только приведенные выше примеры (а их можно было бы значительно расширить), но и далеко не единичные многочисленные примеры исторического характера, которые свидетельствуют о том, что при наличии толерантности и других социокуль-

турных условий мультикультурные общественные организмы развиваются успешно и плодотворно. Такие примеры нам являют Россия, Швейцария, Канада и др., в том числе и арабо-еврейские культурные взаимодействия, которые имели место в мусульманской Испании VIII–XII вв. [3, с. 11–12].

### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ландау Й.* Арабское меньшинство в Израиле 1967–1991. Тель-Авив, 1993.
2. *Хайдер А.* Роль культурного поведения в формировании коллективной идентичности // Арабское будущее. 2005. № 18.
3. *Эштер А.* Жизнь евреев в мусульманской Испании. Иерусалим, 1977.